

Валерий Большаков

Целитель-13

Валерий Большаков

Целитель-13

«Автор»

2024

Большаков В. П.

Целитель-13 / В. П. Большаков — «Автор», 2024

1990-е годы не стали ни «лихими», ни «святыми» — СССР нерушим и разваливаться не собирается. Михаил Гарин не чувствует себя спасителем сверхдержавы, он всего лишь предупредил об угрозах, а у партии хватило ума, чести и совести, чтобы вывести страну из кризиса. А вот по ту сторону океана всю резвится маленький полярный зверек — олигархи из «глубинного государства» смыкаются с неконами, готовя мегатеракт на День благодарения. Джек Даунинг, кандидат в президенты США, узнает о зловещих планах — и его убивают. Вот только вдова — Синти Даунинг — не плачет, а затевает настоящую революцию, перерастающую во Вторую гражданскую войну. Миллионы американцев требуют: «Синти — в президенты!» Вопрос: сумеет ли слабый Картер совладать с разгулом хаоса? Одолеет ли Маккейн «Черную вдову» или победа за Синтицией? Время покажет...

© Большаков В. П., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Валерий Большаков

Целитель-13

Глава 1

*Вторник, 7 ноября. Вечер
Щелково-40, улица Колмогорова*

Губы уже припухли целовать вертлявую, хихикающую Ритку, но я с наслаждением отдавался этому восхитительному занятию.

Прерывисто дыша, донна резво елозила подо мной. Черноволосая головка запрокинулась, напрягая беззащитную шею... И как не приложиться к трепетной, пульсирующей жилке?

Бывало, в минуты любовных бдений мое чутье рывком обострялось – в точности, как сейчас. Я с удовольствием повел носом, жадно вбирая нежный запах женщины – и свой, сухой и терпкий дух, отдающий каштановым цветением.

– Намажься! – жарко выдохнула Рита. – Или, давай, я...

– Хитренькая! – оспорил я ее желание, дрогнув улыбкой. – Ты и вчера мазалась, и позавчера. В очередь, в очередь!

Выслушивая грудной смешок, привстал, опираясь на руку, и дотянулся до заветного флакончика – Наташа передала его мне в последний день октября, а пузырек уже наполовину пуст...

Я осторожно сел, тиская коленями женские бедра, и зажал сосудец между ладоней. Хватило пары секунд, чтобы «молодильное зелье» вспухло перламутровой шапочкой, будто сбегующее молоко. Три капли на ладонь... Ладно, четыре.

Потерев руки, раскатав по пальцам холодные росинки, я вжал обе пятерни в тугой Ритин живот. На мгновение замер в нетерпеливом предвкушении, и...

Донна сладко застонала, выгибаясь, подаваясь ко мне, разевая дивный рот, словно для долгого крика. Но тут нахлынула прибойная волна Силы...

Она стерла меня, словно имя, начерченное на прибрежном песке – и растворила в Рите, сливая тела и души.

Там же, позже

Под утро я проснулся с часто бьющимся сердцем. Осторожно, чтобы не разбудить жену, расплел наши руки и ноги – мы так и спали, обнявшись.

Вот за что еще люблю диван в гостиной – крепкий он. Когда я сел с краю, и вмял босые ступни в пушистый ковер, наш «сексодром» даже не скрипнул.

Мельком глянув на галерею, чьи перила скалились в лунном свете, я встал. Юлька вчера легла поздно, мешая родителям в их амурных трудах, и будет дрыхнуть до десяти. Завтра не вставать – «ноябрьские» длятся целых два дня...

Мои губы повело в кривую. Рассказать бы нынешнему люду, как я в будущем отдыхал на «новогодних каникулах» – восемь выходных без перерыва!

Не поверят. Затянут: «Ну-у, ты как скажешь... А работать когда?» С девятого, когда ж еще... А там, глядишь, и старый Новый год!

Хотя... Стоит ли хвалиться узаконенным тунеядством, смущать весь наш советский трудовой народ? «Каникулы», дурацкое наследие «перестройки», остались в малодоступной «Гамме»... Мой рот скривился в брезгливой гримасе.

На «родину» меня точно не тянуло.

Сейчас там Чубайс с Кохом «чисто конкретно» разворовывают народное хозяйство СССР. Чиновные рыла братаются с криминалом, жабообразная Новодворская поносит «коммунык», а бывший персек Свердловского обкома думу думает – как бы ему смухлевать на «демократических» выборах...

Да и черт с ними, со всеми! У нашей «Альфы» иное «прекрасное далёко». Знать бы еще, какое...

Неуверенно шагнув к камину, я замер. В выложенном камнем зеве очага дотлевали уголья, подернутые серым пеплом. Разжечь огонь? Голому телу зябко...

«Перебьешься, – решил я, направляясь к кухне. – Ритке под одеялом тепло, вот и пусть спит. Предрасветный сон сладок...»

Поднеся ладони к лицу, нюхнул. Слабые нотки зелья едва угадывались, навевая пленительные тени Слияния. Я с усилием отер щеки, словно удаляя истомные грёзы, и налил себе полстакана холодной, вкрадчиво шипящей минералки.

Игристая вода защипала горло, шибая в нос, даже слезы выступили.

«Крепка, зараза...»

Покачав стакан в руке, я бесшумно поставил его на салфетку, и глянул в окно. За стеклами стыла ночь.

В вязкой черноте тонули сосны, заборы, соседние коттеджи. Лишь издалека, путаясь в голых ветвях, протискивался свет фонарей и редких фар. Я потер плечи, прислушиваясь к тихому шелканью батарей.

«Мерзляка...»

Докуда опустил красный капилляр градусника за форточкой, не видать, но холода особые не донимали. Не задували ветра, кружа редкие снежинки. Жить можно. На парад в честь 78-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции москвичи вышли в куртках и пальто, готовясь к скорому предзимью.

Мурлыкнув, о босые ноги потерся Коша.

– Спи, кот, – шепнул я. – Рано еще...

Зверек, по-моему, завис. Как это – рано? Нормальные коты едят в любое время дня и ночи! Лишь бы хозяин совесть имел...

...Присутствие Риты я уловил, почувствовав близкое, живое тепло. «Спутница осени серой» прижалась к спине, и обняла меня.

– Ты чего не спишь? – спросила она невнятно, уложив подбородок на мое плечо.

– Да так... Сон дурацкий устроил подъем...

Градус настроения явственно пополз в минус.

Это еще летом началось. По ночам меня посещали тревожные видения – рушившиеся небоскребы Нью-Йорка, бестолково метавшиеся толпы, громадные авиалайнеры, вспыхивавшие палящими тучами огня...

– Кошмар? – сочувствующе молвила Рита.

– Вещий кошмар... – вздохнул я.

Молоденькая женщина мигом насторожилась, и велела:

– Рассказывай!

Исповедаться – это даже приятно. Поделившись с «половинкой» беспокойствами, что мучали меня всю осень, я облегчил душу.

– Вон оно что... – затянула Рита. – А я-то думала... Нет, Мишечка, небоскребы Международного торгового центра здесь ни при чем...

– Рассказывай, – скупой улыбнулся я.

– Понимаешь... – донна Фальер задумчиво гладила мне живот. Животу было щекотно, и он вздрагивал. – Мой рабочий день начинается с просмотра финансовых новостей. И вот, где-то месяц назад, я обратила внимание, что известная компания, «Гиндельстерн Пропертиз», владеющая недвижимостью в Нью-Йорке, оформила очень уж странную страховку. Некий Терри Гиндельстерн брал в аренду Джей-Эф-Кей... э-э... международный аэропорт имени Кеннеди за три с половиной миллиарда долларов! Нет, сама по себе покупка удивления не вызывает, если не знать подробностей. Понимаешь, Джей-Эф-Кей – очень и очень проблемный объект, он приносит колоссальные убытки, и щедрая выплата Гиндельстерна просто сказочная удача для Портового управления штата Нью-Йорк – именно ему принадлежит аэропорт. Вот только хитроумный Терри не выложил все денежки разом, а разбил сумму на ежемесячные платежи. За ноябрь он внес в кассу «Порт-Аторити» всего несколько миллионов долларов. Но! Гиндельстерн тут же застраховал свою покупку почти на четыре миллиарда. Отдельный пункт – страховка на случай теракта!

– Вот сволочь... – вытолкнул я. – И все же Терри прокололся – инфляционная сделка попала в верхнюю строчку новостей финансов и бизнеса.

– Верно, но ничего же не докажешь!

– Не докажешь... – медленно покивал я. – И, скорее всего, не предотвратишь... Но надо попробовать!

Подтянув радиотелефон, я твердой рукой набрал номер Елены фон Ливен, даруя ее супругу шанс досмотреть сновидение.

– Алло! – рассерженно прошипел радик. – Миша! Ты в курсе, сколько сейчас времени?!

– Извините, Елена, – хладнокровно сказал я. – Чрезвычайно важное дело. Мне необходимо срочно поговорить с Борисом Семеновичем. Вы в Баковке?

– Да, – буркнул радиотелефон. Посопел, и добавил: – Подъезжайте к десяти... Нет, лучше к одиннадцати. Мы ждем важного гостя, и... В общем, в одиннадцать!

– Буду, как штык, – заверил я недовольную хозяйку госдачи.

Из холла донесся легкий шорох.

– Вы чего не спите? – сонно выговорила Юля, бредя в ночнушке, как симпатичное привидение.

– Мы... это... водички попить... – залепетала мама, прикрывая папу своим телом. – Ложимся уже!

Холл ответил тишиной, а затем с лестницы донеслось ворчание:

– Прячутся, как маленькие... Думают, я не понимаю ничего...

Среда, 8 ноября. Утро

Московская область, Баковка

Елена фон Ливен налила стакан густого клюквенного морса дорогому гостю, и Андропов благодарно кивнул. Отпил, почмокал, словно лова послевкусие.

– Следовательно... э-э... мегатеракт, как вы его называете, событие безальтернативное? – в некогда твердом голосе Ю Вэ угадывалось старческое дребезжание.

Я с тревогой глянул на президента – он был здоров, насколько это вообще возможно на девятом десятке, а возраст... Возраст не лечится.

– Да, Юрий Владимирович, – моя голова утвердительно склонилась. – Только, это вовсе не варварский способ отъема денег. Проньера Гиндельстерн всего лишь воспользовался ситуацией, а вот те, кто задумал мегатеракт, ситуацию создают! Сгинут тысячи – и падальщики-медийщики заголосят хором о сплочении нации, будут звать на борьбу с международным терроризмом, на защиту свободы и демократии. А под этим соусом...

– А под этим соусом? – с интересом спросил Иванов, скромно присевший на валик дивана.

– А под этим соусом, американцев лишат даже тех мнимых свобод, которыми они хвалятся перед всем миром. Прослушка будет тотальной! Подглядывать станут за всеми! Куда там Маккарти... Былая «охота на ведьм» покажется милой забавой! АНБ запишет каждый телефонный разговор, спутники-шпионы отслежат любого, назначенного «врагом государства», а одураченные толпы пускай зигуют в упоеньи... Помните, как Геббельс выразился? «Дайте мне средства массовой информации, и я из любого народа сделаю стадо свиней!» Ну, с американцами у них получилось...

– У кого – у них? – президент СССР блеснул очками в тонкой золотой оправе.

– Всё утро думал, – криво усмехнулся я. – Администрация Картера здесь точно ни при чем. Джимми – слабак, и на массовое убийство не решится. Вот, скажем, сенатор Маккейн – тот самый, кстати, что метит в президенты – вполне годится на роль заказчика мегатеракта, но он не обладает нужным уровнем власти и финансов. Думаю, побоище в аэропорту Кеннеди устроят олигархи из deep state, «глубинного государства».

– А этот пройдоха... как бишь его... – Андропов потер ладонями столешницу. – Гиндельстерн?

– Терри – мелкая шпана, – пренебрежительно фыркнул я. – Скорее всего, он случайно узнал секрет заговорщиков, и задумал нажиться на трагедии. Капиталист – всегда капиталист...

Сдержанно кряхтя, Ю Вэ поднялся и прошаркал к окну. За стеклами качали хвоей кряжистые сосны, а плети разросшейся малины скреблись о жестяной отлив.

– И когда, по-вашему, грянет гром? – спросил президент, не оборачиваясь. Он сложил руки за спиной, и еще сильнее ссутулился.

Я подумал.

– Могу судить лишь по делишкам Гиндельстерна. Мегатеракт, подобный «нашему», случился... то есть случится в «Гамме» в две тысячи первом. Тогда Терри провернул... тьфу, ты... провернет сделку с покупкой небоскребов Международного торгового центра. И это... произойдет за месяц-полтора до. Думаю, в нашей ситуации гром грянет... где-то между Днем благодарения и Рождеством. Скорее всего, в ноябре.

– Для зачина годится, – кивнул Андропов, разворачиваясь, и прислоняясь к подоконнику. – Разумеется, мы используем вероятную ситуацию... э-э... с мегатерактом. Но по-человечески жаль людей, пусть даже из лагеря вероятного противника. Миша... – он сцепил ладони и прижал кончики пальцев к синеватым губам. – Вы встречались с Джеком Даунингом, и не однажды. Нынче он вице-президент, и полон решимости занять Овальный кабинет. Как вы думаете... Если слить информацию о теракте Даунингу, это поможет предотвратить бойню?

– Вполне возможно, – твердо сказал я. – Джек не любит русских, да и с чего бы ему пылать к нам любовью? Он – чистокровный американец, США – его родина, и он реально переживает за все победы и потери своей страны. Если Даунинг выйдет в президенты, то будет вести разумную, взвешенную политику, без истеричных воплей: «Русские идут!», – вспомнив Путина, я тонко улыбнулся: – Вероятно, это общее свойство людей, пришедших в политику из разведки... Да, Джек – мастер интриг, любит многоходовочки, но он честен, вот что главное. В отличие от основной массы истеблишмента, Даунинг чтит договоренности и держит слово. Не знаю, поможет ли его избранию инфа о мегатеракте, но Джек обязательно попытается предотвратить злодеяние. Ну, или хотя бы поднимет шум!

Я с удовольствием допил душистый морс «Елены Искусницы», смачивая пересохшее горло. Юрий Владимирович многозначительно переглянулся с Борисом Семеновичем, и тот сказал очень проникновенно, с чувством:

– Миша, вы уж простите, но придется вам задержаться до обеда...

Фон Ливен жизнерадостно фыркнула.

– Выложишь всё, что знаешь, что помнишь о мегатеракте в «Гамме», в мельчайших деталях и во всех версиях!

Иванов укоризненно покачал головой, а Ю Вэ рассмеялся, и поманил меня за собой.

– Боря, уведу вашего гостя... – сказал он, извиняясь, и вышел на гулкую веранду. – С возвратом!

За окном в мелкую расстекловку были видны прикрепленные, бдившие под дымки сигарет, и черный, распластанный «Зил» – прочие машины кортежа не вписались в тесный зеленый дворик.

Я прикрыл дверь за собой, и Андропов улыбнулся мне – тонко и немного печально.

– Знаешь, Миша, – заговорил он, неожиданно переходя на дружеское «ты», – я всегда во всех наших бедах винил не экономику, а разложение партии. И тут одними чистками не обойтись. Ладно, там, взяточник – сняли, да посадили! А с несменяемостью руководителей как быть? А с самим номенклатурным принципом их назначения? Вот, что надо было «чистить», Миша!

– У вас получилось, Юрий Владимирович, – сказал я вполголоса.

– Не совсем, – хмыкнул президент. – У меня вообще в планах было сделать возраст шестьдесят пять лет предельным для членов Политбюро! Не вышло! – развел он руками. – Романову – семьдесят два уже, Шелепину и Машерову – семьдесят семь, мне и вовсе восемьдесят второй пошел...

– Но это оправданно! – заспорил я.

– Возможно, возможно... – мелко покивал Юрий Владимирович. – А, впрочем, главная моя идея, так сказать, основополагающая, заключалась совсем в ином... Я хотел вырастить новое, «социалистическое дворянство»! Уверен, Миша, страну на первое место в мире выведут не «бойцы идеологического фронта», а «технари-головастики», романтически настроенные, внутренне свободные, а потому фрондерствующие... конечно, без покушения на основы социализма, хе-хе... Что-то типа героев фильма «Девять дней одного года»! А что, думаю? Создам соответствующие элитные вузы, подниму респект отдельных действующих... Логика была в том, чтобы выпускники этих вузов получали престижные рабочие места с относительно высокой зарплатой – и становились кадровым резервом партии. А в итоге эти люди и составят элиту власти, в первую очередь – элиту КПСС! И ты – один из них, Миша. Директор института, доктор наук, лауреат Нобелевской и Ленинской премий... Не пора ли к этим регалиям прибавить должность... ну, для зачина – заместителя секретаря ЦК КПСС? В отделе науки и учебных заведений? М-м? При чем, – заторопился он, – сектор науки будет полностью на тебе!

– Эх, Юрий Владимирович! – вздохнул я с отчетливым укором. – Умеете же вы вербовать... Согласен!

– Вот и хорошо! – довольно заулыбался Андропов. – Вот и славно. Встретимся на Старой площади!

Президент шагнул на крыльцо, а я в другую сторону – пред ясны очи Бориса Семеновича.

– Ладно, гражданин начальник, пишите, – меня так и тянуло ухмыльнуться, – только морсику подлейте. Очень уж он у вас вкусный!

Гордая Елена подала мне полную кружку холодного и пахучего малинового настоя.

Воскресенье, 19 ноября. День

Щелково-40, улица Колмогорова

Всю субботу, на радость лыжникам и лыжницам, валил снег. Падал лохматыми перистыми хлопьями, заглушая звуки, покрывая белым мерзлым пухом и двор, и улицу, и всю Мос-

ковскую область. Запорошенные сосны и ели вдоль по улице выглядели сказочно, а по дворам висел счастливый детский гомон. Зима! Ура!

Разумеется, Рита с Юлькой тут же засуетились, забегали в поисках лыж и ботинок. Пока мама лила чай в термос, доча трудолюбиво рылась на чердаке, и отыскала-таки лыжные палки, утерянные и оплаканные.

А мой удел – лопату в руки, и гребя, папусечка...

Снег с дорожки я перекидал вовремя. Погрузчик «Кировец», свистя и клекоча, расчистил улицу до асфальта, а за ним, весело сигналив, подкатила здоровенная «Нива» со строгим листочком пропуска на ветровом стекле. Риткин «Москвич» на фоне джипа выглядел, как котенок рядом с матерым Кошей.

– Приве-ет! – воскликнула Наташка, выпархивая из-за руля. – И-и-и!

Восторженно пища, она облапила меня, и одарила долгим поцелуем.

– На лыжню, небось? – заворчал я по-стариковски, глядя в любящие глаза, светло-синие, как летнее небо.

– Ага! – радостно засмеялась Ивернева, и закружилась, расставляя руки. – Как тебе мой новый костюмчик?

Эффектный лыжный прикид, белый с серебряной вышивкой, сидел на ней очень обтекаемо.

– Как всегда, очень даже, – вздохнул я. – Но тебе куда лучше совсем без костюмчика...

Довольно хихикая, Ивернева чмокнула меня в уголок губ, и запрыгала, замахала руками:

– Ритка! Юлька! Давайте, скорей!

– Бежим уже! – откликнулся Юлиус, волоча свои и мамины лыжи. – Пока, папусечка!

– Пока, Мишечка! – Рита мимоходом поцеловала меня куда-то в нос, и захихикала: – Да ты не бойся, не соскучишься! Встречай гостью!

Ко мне бежала, расплывшись в счастливой улыбке, маленькая Лея. В пухлом комбинезончике она выглядела неуклюжим медвежонком. Я присел на корточки, и поймал залиvisto смеющуюся девочку.

– Привет, Лея!

– Пр-ривет, папа! Я соскучилась уже!

– Я тоже! Будем лепить снежную бабу?

– Будем! Будем!

Отъезжающие, мощно сюсюкая, усиленно махали нам с Леей, но мы не обращали внимания на подлиз. Нам надо было скатать большой снежный шар – капитальное тулово снеговика...

Посигналив напоследок, джип убыл в край белых просторов, где выются синие лыжные колеи, а простенький, слипшийся бутерброд с сыром, да под горячий чаек, чудится изысканным лакомством.

– Ну, что, моя блондиночка? – я подхватил на руки Лею. – Пошли искать морковку?

– И уголечки, – деловито сказала малышка. – Для глазок!

* * *

Снежная баба вышла на славу – роскошной, как кроманьонская Венера. Мы ей и черны очи вставили, подобрав головешки в камине, и морковный нос воткнули, и ведро нахлобучили... Ну, и похулиганили маленько – прилепили спереди два здоровенных снежных кома, изобразивших пышный бюст.

– Так, пр-равильно же! – Лея налегала на разученную «Р». – А то иначе какой-то снежный дед получится!

Подтерев нос варежкой, она окинула изваяние взглядом ценителя.

– На маму похожа, – молвила девочка задумчиво, – только какая-то толстая... А мама кр-расивая. Да, пап?

Я согласно кивнул.

– Очень!

И маленькая ладошка шлепнула в папину пятерню.

Там же, позже

Лыжницы вломились в дом после трех, раскрасневшиеся и чрезвычайно довольные.

– Тихо! – свирепо шикнул я. – Лея спит!

– Ты смог ее уложить?! – шепотом воскликнула Наташа.

– Он и Юльку укладывал, вредину, – похвасталась мать, разоблачаясь.

– Клевета! – возмутилась дочь, стянув лыжный костюм. – Не слушайте ее, тетя Наташа!

Я была идеальным ребенком, ангелочком просто!

– Херувимчиком! – фыркнула Рита.

– Обижают? – улыбнувшись, я приобнял Юлю.

– Да вообще! – горестно вытолкнула девушка.

– А что это за произведение искусства во дворе? – поинтересовалась Наташа, собирая в охапку сброшенную амуницию.

– Соцреализм, – просветил я ее. – Ладно, товарищи женщины, идите, мойтесь... переодевайтесь... И буду вас кормить.

– О-о-о! – разошелся общий стон.

* * *

Пронзительно-синие сумерки темнели с недостойной быстротой, словно сдаваясь наступающей ночи. Вся наша улица затихла, пригашая огни, лишь проспект вдалеке, за парком, мельтешил фарами и бликами, да высотки осыпались светлячками желтых окон.

Благодушествуя, я восседал в позе Пилата у камина.

Огонь суетливо подъедал поленья, а я даже глазами не водил, дремотно вслушиваясь в милые домашние шумы.

Лея охотилась за котом, ласково уговаривая зверя примерить кукольное платье, но Коша трусливо сбегал. Рита с Наташей в меховых тапках, затянутые в длинные мохеровые халаты, долго сушили волосы одним феном на двоих, а затем церемонно продефилировали на кухню – дуть чай с пирогом и шушукаться.

– Иди сюда, котик... – запыхтела Лея, выволакивая Кошу из-под дивана. – Хор-рошая киса... Ну, куда ты опять убегаешь? Ну, ко-отик...

Повеяло запахом крапивы и чистоты, и ко мне на колени уселась Юля, прижалась доверчиво. Я огладил ее влажные волосы, и девушка склонила голову на мое плечо.

– Ты чего такой грустный, Юлиус? М-м?

– Да так... – вздохнула доча. Помолчав, подышав мне в ухо, она заговорила, испытывая некое внутреннее напряжение: – Лея – такая лапочка... Прехорошенькая, и умничка. Правда?

– Угу... – вытолкнул я, гадая, к чему эта прелюдия.

– Тетя Наташа жаловалась, что Лея постоянно с ней спорит... Не ругается, а доказывает, да логично так! Она одного тебя слушается... Вообще, с тобой, как шелковая! А на тех выходных Лея меня лечила...

– Лечила? – нахмурился я.

– Да ничего серьезного, папусечка! – заспешила Юля. – Порезалась просто, когда лук чистила. А с Леечкой всё моментом затянуло! Вон, только шрамик розовый. Пап...

Почувствовав глухое волнение в голосе девушки, я притиснул ее покрепче.

– Что, Юльчик?

– Ты будешь любить ее больше, чем меня?

«Бюстгальтер второго размера уже тесен, – подумал я с нежным умилением, – а совсем еще ребенок...»

– Нет, Юлечка, – мягко ответил вслух. – Не знаю уж, где в нас припасено местечко для родных и близких. Говорят, что в сердце, только это ерунда. Скорее, где-нибудь в коре или в подкорке... Да, вот здесь, – пальцами, оглаживавшими дочкины плечи, я дотронулся до лба, – нашелся уголок для Леи, но место Юлии Михайловны не займет никто. Я люблю тебя по-прежнему, и даже сильнее!

Всхлипнув, девушка обняла меня, и сбивчиво зашептала, щекоча ухо:

– Я тоже тебя люблю, папусечка! Сильно-пресильно!

Гладкие Юлины руки сдавили мне шею, затрудняя дыхание, но я улыбался, продлевая драгоценные минуты. Для любви времени не жалко.

Понедельник, 20 ноября. День

Вашингтон, Массачусетс-авеню

Угольно-черный «Линкольн континентэл» мчался по широкой авеню, облюбованной посольствами и застроенной прочими достопримечательностями.

Синти мышкой сидела в уголке, внимательно слушая Вудроффа. Порой она искоса поглядывала на бывшего своего шефа, не позволяя себе даже намечать улыбку.

Фред – мужлан и шовинист, для него признать женское превосходство – нечто немислимое и позорное. Да и в чем, собственно, ей удалось обойти бывшего резидента из ленинградского консульства? Тем, что вышла замуж за Даунинга? Не смешно.

Вудроффу просто неловко быть рядом с нею в образе подчиненного. О, разумеется, если год спустя Джека выберут, то Фреду уготовано кресло директора ЦРУ. Но ведь и она станет Первой Леди...

Синтиция встрепенулась, отмахиваясь от волнующих мечтаний, и напрягла слух.

– ...Информация о Гиндельстерне подтвердилась, – негромко и на пределе серьезности докладывал Вудрофф, примостившись на откидном сиденье. – Похоже, этот прохиндей пересекся с кем-то на званом вечере в «Трампа-тауэр». Сам Трамп вне подозрений – они с Мелани находились в Европе, а прием устраивал кто-то из богатеньких жильцов...

– А чуйка твоя? – Даунинг пристально посмотрел на Фреда. – Подсказывает чего?

Вудрофф хищно прищурился, топорща рыжие усы.

– Я верю русским! – резко сказал он. – Чекисты умеют плести настолько замысловатую ложь, что даже наши финансисты верят им! Всё так, но подставлять своего резидента, чтобы передать сведения о... хм... мегатеракте? – Фред затряс головой. – Нет, сэр! Это уже за гранью!

Даунинг задумчиво покивал.

– Тоже, вот, зондировал по своим каналам... – Он обреченно вздохнул. – К сожалению, всё сходится. Э-хе-хе... Я давно догадывался, что наши «жирные коты» утратили и стыд, и совесть, а теперь выясняется, что они лишились даже остатков ума!

– Джек, – подала голос Синти, – если это правда... свободе и демократии конец. Неокконы, да в связке с олигархами, установят настоящую диктатуру! Да такую, что... – она вяло махнула кистью. – Куда там наци!

Вице-президент ответил не сразу.

– Фред, продолжай рыть, только будь крайне осторожен! – тихо и жестко заговорил он. – Моим людям удалось кое-что выяснить. Мегатеракт запланирован на День благодарения –

аэропорт Кеннеди будет забит до отказа, и прервутся тысячи жизней! Но! Трех из моей четверки сегодня застрелили. Кого ночью, кого утром. Уцелел только Чак Призрак Медведя...

– Этого трудно убить, – выдавил Вудрофф, отчетливо бледнея.

Нетерпеливо кивнув, Даунинг оборотился к жене.

– Синти, я составил список более-менее надежных журналистов. Свяжешься с ними сегодня вечером, пригласишь... м-м... на экстренный брифинг. Да! – раздраженно скривился он. – Меня могут счесть клоуном! Ничего, как-нибудь переживу...

«Линкольн» резко затормозил – наперерез вымахнул громадный грузовик с фурой-вагоном, сбивая лидирующий «Кадиллак».

– Джек! – вскрикнула Синти.

Завизжали тормоза – и толстое лобовое стекло прободала крупнокалиберная пуля. Сплющенный, горячий, увесистый кусочек металла вонзился Даунингу в живот. Мгновенье спустя в пробоину влетели вторая и третья пули, разворотив грудь вице-президента.

– Дже-е-ек! О, нет! Не-ет...

Рыча от бешенства, Фред выскочил из машины, выхватывая табельный «Кольт». Агенты Секретной службы уже чернели повсюду – перебегая, клонясь, они вели огонь по фуре, по распахнутому окну особняка напротив, из которого свешивался труп, не выпускавший из мертвых пальцев скорострельный «Ингрэм».

Поздно.

– Дже-е-ек... – заскулила Синти, дрожащей ладонью прикрывая мужнины синие глаза.

Она вяло отмахнулась от суетливого врача, что просунулся в салон, от бледного водителя, чье лицо было изранено осколками стекла.

Поздно! Поздно...

Глава 2

*Четверг, 23 ноября. День
Нью-Йорк, аэропорт им. Кеннеди*

Синти подъехала к Джей-Эф-Кей на облупленной «Тойоте». За рулем сидел нахохлившийся Фред, рядом с ним развалился Чарли Гоустбир. Смуглое лицо индейца каменело в холодной бесстрастности.

Синти усмехнулась мельком. На себя посмотри – безутешная вдова...

Даже покойного мужа оплакать некогда. Да и не дадут.

Повторяется гадкая история с убийством Кеннеди. Ангажированная комиссия Уоррена исписала неисчислимое количество томов, и в этой бумажной массе незаметно утонул один паршивенький фактик, колющий глаз любому непредвзятому спецу – в течение года киллеры убрали больше полусотни свидетелей покушения на президента – копов, медиков, случайных зевак...

Вот и сейчас идет зачистка. И она, и Фред, и Чак – все под прицелом. Окривевшего водителя нашли вчера утром – выпал с четырнадцатого этажа. Несчастный случай...

Женщина с беззвучным вздохом откинулась на спинку. Поймала в зеркальце напряженный взгляд Вудроффа, и отвела глаза. Еще в тот самый клятый понедельник она попыталась, хотя и довольно неуклюже, отговорить Фреда – мол, оставаться с нею опасно, а тот ее грубо послал.

«Синти, золотце, нас и без того приговорили, – сказал он, скаля желтые зубы. – Так уж лучше «спиной к спине у мачты, против тысячи... втроем!» Ты, главное, помни свою фамилию! Собирай людей под знамена, переводи брехливые статейки из газет на язык правды! Против нас – Система? Отлично! Значит, надо создать свою Систему! Я выше Лэнгли не прыгну, но почему бы тебе самой не подписать приказ о моем назначении директором ЦРУ? Тебе, первой женщине-президенту этих долбанных Штатов! Мистер Даунинг умер. Да здравствует миссис Даунинг!»

Синти скупо улыбнулась – тогда Чак впервые пожал руку Фреду. А она? Если вытереть все сопли, слюни, слезы...

Слова Вудроффа не просто запали ей в душу, они будто выжгли на сердце саднящее клеймо. Ничего, боль пройдет... когда она исполнит свое предназначение!

– Долго торчать на одном месте не стоит, – пробурчал Фред, – вызовем подозрение.

– Может, и не случится ничего, – голос миссис Даунинг дрогнул.

– Случится, – разлепил губы Призрак Медведя. – «Те-Кто-Велят» убрали опасного свидетеля. Журналисты перепугались. Место преступления – вот, – кивнул он за окно. – Осталось его совершить.

– Я перееду на стоянку, – решительно заявил Вудрофф.

– Сзади! – каркнул индеец, резко выворачивая голову.

Синти обернулась, глядя сквозь блики заднего стекла, и ужас сковал горло. Со стороны Куинса налетал громадный «Боинг-747», идя на бреющем – пыль, мусор, листы фанеры – всё бешено крутилось в турбулентных вихрях.

Необъятное круглящееся брюхо самолета пронеслось над «Тойотой», и машину подбросило, сотрясая в грохоте и реве.

«Случилось...» – обреченно подумала миссис Даунинг.

Авиалайнер врезался в пятый терминал, похожий то ли на сrostок ракушек, то ли на крылья чайки. «Боинг» мгновенно погрузился в диковинное здание, как ложка в бататовое

пюре – распадаясь, мешая шипастые обломки с сотнями человеческих тел – и заливая пугающее месиво многими, многими тоннами керосина. Облака копотного пламени рванулись из-под рушащихся сводов, закручиваясь и клубясь. В inferнальном жаре сгорала живая плоть – и возносилась смердящим чадом.

– Там... – сипло выдохнула Синти. – Еще...

С востока, со стороны океана, налетали два самолета, «Боинг» и «Эрбас», словно ведущий и ведомый. Оба протаранили терминал номер три, снося крышу в форме «летающей тарелки». Обкорнанный фюзеляж «ведущего» с жалкими огрызками крыльев ударил по лайнерам, поданным к телетрапам, словно бейсбольная бита, кореза и переламывая среднемагистральные «Боинги» – авиапассажиры, довольно ерзавшие какую-то секунду назад, предвкушавшие встречу с родней, да индейку в клюквенном соусе, сгорали заживо. Целые озера горящего керосина плескали и разливались, окатывая соседние самолеты.

Пилоты серебристого «Макдонелл-Дугласа» со значком «Эмерикен эрлайнз» на киле попытались увести машину, набитую орущими и плачущими людьми – двигуны загревели на форсаже, лайнер потихоньку вырুলивал, но потоки горячего нахлынули быстрее. Самолет замер, поджариваясь в адском пламени, пока не рванули собственные баки.

– Еще два! – заорал Фред, колотя кулаком по баранке. – Fucking cunt!

Пара «семьсот сорок седьмых», налетающих с запада, не стелилась над землей – огромные лайнеры падали с высоты, входя в крутое пике. Первый поразил восьмой терминал – и расписанный фасад в виде забрызганного стакана мгновенно вспучился, разлетаясь осколками и останками. Куда рухнул второй самолет, Синти не разглядела – пылающие облака бушевали и корчились надо всем аэропортом-крематорием, а черные жирные шлейфы дыма уносились в безразличное небо, сливаясь в тошнотворную грязную тучу.

Ветер изменился, натягивая жар и вонь, и Синти закричала:

– Едем, Фред! Едем! Прочь отсюда!

Мотор взревел, покрышки взвизгнули, и «Тойота» понеслась к городу – в авангарде полчища желтых такси, сбегавших с чудовищного аутодафе.

Воскресенье, 26 ноября. День

Щелково-40, улица Колмогорова

– О, темпора, – пробубнил я себе под нос, – о, морес...

Да-а... «Deer state» превзошло себя по части «особой жестокости и цинизма» – устроило «Кровавое Благодарение».

Под таким заголовком вышла статья в «Комсомолке» – чувствовалось, даже сам автор, матерый международник, был потрясен варварскими повадками строителей «мегатеракта». Откровенно людоедский выбор – затеять массовое истребление в праздничный день, в момент наибольшего наплыва народа! Хотя чего еще ждать от «глубинного государства»? Сказал же кто-то из американцев, что, стоит только арестовать четыреста богатейших людей Штатов, как все войны в мире сразу прекратятся.

Агрессия ради наживы, теракт ради наживы – олигархи себе не изменяют. Но меня, если честно, сразила иная весть – об убийстве Даунинга. Кто мне все те тысячи раздавленных, сгоревших или умерших от ожогов? Да никто! И, когда люди утверждают, будто им жалко эту безликую, безымянную массу, они притворяются. Надо быть Христом, чтобы возлюбить дальнего! А мы, смертные, горюем по тем, кого знаем, о ком помним.

Джек Даунинг... Он мне не друг, не товарищ даже. Строго говоря, мы с ним находились по разные стороны баррикад. И все же я помогал ему, а он – мне. Наверное, потому что малость игривое определение «рыцарь плаща и кинжала» подходило Даунингу с акцентом на слове «рыцарь». Даже воюя с СССР, он оставался джентльменом. Честь и сгубила его...

А самое паршивое заключалось в том, что я стал косвенным виновником смерти вице-президента. Ведь, по сути, сведения о мегатеракте Джеку передали от меня. А «предиктору Михе» он доверял...

... Угрюм и скован, я поглядывал на экран новенького «Горизонта». Шла «Международная панорама», и плазменная панель раздувала пожарище в аэропорту Кеннеди. Падали самолеты, обрушивались терминалы, протуберанцами закручивался огонь – и ни звука. Только и слышно, как за кадром причитают дрожащие голоса: «Oh my God! Oh my God!»

Экран мигнул, и пошла профессиональная картинка – мрачные, закопченные развалины, пелена сизого дыма, стреловидные силуэты обугленных авиалайнеров на траурно-черных горях... Пожарные и агенты ФБР беспомощно и потерянно толклись, боязливо ступая по жирной саже – подошвы их ботинок уминали не только бетонное крошево, но и человеческий пепел.

– Воистину бесовское, нечеловеческое злодеяние... – вытолкнул голос Овчинникова. – Власти пока хранят молчание, хотя уже мелькнули вбросы в Интерсеть, винящие то исламских террористов, то маоистов, то и вовсе администрацию Картера. Пожалуй, самым ярким и аргументированным стало вчерашнее интервью Синтии Даунинг, бывшей супруги вице-президента Соединенных Штатов, убитого накануне мегатеракта. В обоих преступлениях она обвинила анонимную группу американских богачей и политиков, задумавших «Кровавое Благодарение», и приведших его в исполнение. Действительно, за сутки до своего убийства Джек Даунинг направил письма с предупреждением о готовящейся изуверской гекатомбе в ФБР, ЦРУ, в редакции крупнейших газет, в адрес Си-Эн-Эн и Эй-Би-Си. По словам его вдовы, Даунинг располагал доказательствами вины нескольких богатейших и влиятельнейших господ, реально правящих Америкой, только действующих через посредников, исподтишка. Спрашивается, понесут ли они наказание за мучительную смерть тысяч ни в чем неповинных людей? Ответ отрицательный...

Резко оттолкнувшись плечом от притолоки, я покинул гостиную – и сразу нацепил добрую улыбку Деда Мороза. Мне навстречу шагала Лея, любовно тиская Кошу. Взгляд у животного был загнанный и обреченный.

– Хор-рошая киса... – нежно ворковала малышка. – Хор-рошая... Пап, смотри, поймала!

– Только ты с ним поласковой, ладно? А то Коша уже старенький...

– Стар-ренький?! – изумилась девочка, и призадумалась. – Ну, ладно тогда... Не буду ему платье мер-рять. Поглажу, и отпущу!

– Молодчинка, – моя ладонь огладила золотистые локоны Леи.

Заходить на кухню я не стал, там собрались все три грации – Рита, Инна, Наташа, – и вели светскую беседу. О модных трендах, о мужчинах и детях, о киношных нравах и о массовых многопользовательских ролевых онлайн-играх. Куда мне, нубу...

Ритин голос выплыл из общего щебета, делаясь громче и ближе. Вот она, моя красавица...

Женушка явилась, как мимолетное виденье, в модных шароварах и толстовке. Она была старше меня на четыре месяца, но называть Риту дамой бальзаковского возраста язык отказывался – донна выглядела, как третьекурсница. Ни одной морщинки, ни единой седой нити в радикально-черной гриве!

Дошло до того, что красotka начала стесняться юного овала лица и гладкой кожи. Она перестала краситься, завязала с помадой и тушью для век, но выглядеть худосочной и блеклой все равно не выходило...

Засмотревшись, я подзабыл держать покер-фейс, и чуткая Рита моментально уловила мужнино состояние. Обняв меня за руку, она нежно потерлась носом о мою щеку.

– Мишечка, ты ни в чем – слышишь? – ни в чем не виноват! Наоборот, еще и поделился подозрениями об этом мерзком мегатеракте. А уж за то, что Даунинг пренебрег безопасностью, ты точно не в ответе! Нет, мне очень жалко Джека, но надо ж было думать! Он же знал, с какими страшными людьми связывается! Так что... Судьба!

– Судьба... – механически повторил я, и встрепенулся. – Да ладно, Рит, не обращая внимания. Пройдет.

– Все-е пройде-ет, и печаль и ра-адость... – пропела Инна, пританцовывая и улыбаясь, как только она одна могла – с лукавой радостью. Мгновенно оценив диспозицию, «Хорошистка» тут же обняла меня за другую руку, подлащиваясь. – Мишенька... Ты обещал кое о чем поговорить с Васёнком...

– Ох, и точно! Забыл совсем. Пустите-ка...

– А мы тебя не держим, – ласково промурлыкала Рита.

– И не думали даже, – поддакнула Инна.

– Ну, я же сам не вырвусь!

Рассмеявшись, парочка освободила меня от женской ласки, а тут и Наташа выглянула, улыбаясь ясно и мило.

«Как быть нам, султанам...» – мелькало в голове, пока взбегал по лестнице, не оглядываясь на «гарем». А то я не знаю, о чем судачат мои «жёны»...

– «Ясность тут нужна», – пропыхтел я, взобравшись на галерею.

Дверь в Юлину комнату стояла распахнутой – доча обличала высоким звонким голосом, а сына уныло гудел баритоном в свое оправдание.

– Васёнок, ты хоть понимаешь, что Марина Сильва еще маленькая совсем? – напал Юлиус.

– Ничего не маленькая... – мямлил Вася. – Между прочим, она старше тебя, ей шестнадцать уже... С половиной.

– Подумаешь, старше! – пренебрежительно фыркнула девушка. – Не умней же! А вот твоя южаночка...

– Да не было у меня с ней ничего! Мы... целовались только...

– И щупались, небось?

– Ну-у... так, немножко...

Подслушивать нехорошо, решил я, и постучал в открытую дверь.

– Можно?

– Конечно, папусечка! – вскочила Юля. – Тебе всегда можно!

Глянув на рдеющего Василия Михайловича, я подумал, что рослого, широкоплечего детину смешно звать Васёнком, но Юлия Михайловна всегда, всю жизнь будет держать его за младшего непутевого братца.

– Мне... выйти? – неуверенно затянула красна девица.

– Нет-нет! – замотал головой добер молодец.

Я устроился с краю девичьей кровати, Юля чинно присела рядом, а Васёнок, потоптавшись, оседлал жалобно скрипнувшую табуретку, обитую ковровой тканью.

– Этот верзила мне всю мебель переломает... – забурчала девушка, но не выдержала, хихикнула.

Парень облегченно расплылся, а я гордо отзеркалил его улыбку – красавец! Весь в меня!

– Для зачина сообщу наиприятнейшее известие: Марина Сильва де Ваз Сетта Баккарин прибудет к нам на Новый год. Вместе со своим папой.

Васёнок засиял до того явно, что Юлиус негодуя фыркнула.

Ухмыльнувшись, я зашел издалека:

– Я понимаю и вполне разделяю твое желание, Вась – чтобы возлюбленная сменила фамилию, и стала Мариной Гариной...

Добер молодец растерянно заморгал, вылупливая синие глаза и распуская пухлые – папины! – губы.

– Я-я... – проблеял он. – Я не...

– Но ты хочешь, чтобы у тебя в паспорте стояла фамилия не «Дворский», а «Гарин»? – серьезно спросил я, как строгая тетя из ЗАГСа.

– Да! – воскликнул Васёнок, вскакивая и роняя табурет. – Да! Да! Да! – горячо твердил он, суетливо поднимая банкетку. – А маме можно сказать?

Я кивнул, и сына вынесло в коридор.

– Папусечка, ты такой молодец! – Юля шуточно помутузила меня.

– А как же! – притиснув девушку, спросил ее в том же тоне: – Не ревнуешь?

– Кого? – фыркнула доча. – Васёнка? Вот еще! Это тете Насте с тобой повезло, а я это двухметровое чучело даже не целовала ни разу. Восемнадцать лет, а ни ума, ни фантазии!

– Ты слишком критична, дочерь моя, – улыбнулся я.

– Парней надо держать в строгости, – сурово отрезала Юля, – а не то распустятся! Как нарциссы!

– А девчонок?

– И девчонок... Кроме меня!

Мы рассмеялись, и с минуту сидели молча, обнявшись и думая о своем.

– Пап... – задумчиво протянула девушка. – Как ты думаешь, у него с Мариной получится?

– Не знаю, Юльчик... – вздохнул я. – Свидания – это одно, а совместная жизнь... Хм...

Это немножечко другое.

– Ну, у тебя же с мамой получилось... – доча коварно заулыбалась. – И с тетей Инной, и с тетей Наташей... И все трое любят тебя одного!

Я смущенно закричал.

– К-хм... За то, что мы дружим, надо твоей маме «спасибо» сказать...

– Папусечка, ты не совсем прав, – парировала девушка. – Просто, ты и сам любишь их, только по-разному. Маму – сильнее, чем тетю Наташу, а тетю Инну – меньше всех. Она... Не знаю даже... Иногда она мне кажется очень хитрой, а иногда – очень несчастной... Может, она потому и держится так за тебя, что ей не хватило счастья?

– Может, – согласился я, с интересом глядя на Юлю.

– С другой стороны... – затаила доча. – А кто ей виноват? Мне тетя Лариса столько всего порассказала... По секрету!

– Дворская? – приподнял я бровь. – А где это ты ее видела?

– А в Первомайске, летом еще! Помнишь, мы ездили к деду Коле?

– А, ну да... А про Наташу тебе никто ничего не порассказал?

– Зачем? – пожал Юля плечиками. – Я и так вижу. Тетя Наташа – очень добрая и...

Очень чистая, что ли. Вон, какая у вас с ней Леечка родилась! Херувимчик! Светленький, такой...

Я быстренько перевел стрелки, пуская мысли по новому пути:

– Юль, а тебе самой нравится кто-нибудь? Из мальчиков?

– Пф-ф! – пренебрежительно фыркнула девушка. – Детьми не интересуюсь! Ну-у... Если хочешь знать, мне ваш Антон симпатичен.

– Антон? – удивился я. – Какой Антон?

– Ну, Антон! Алехин! Младший научный сотрудник!

– А-а... Так он на десять лет тебя старше!

– Вот и хорошо, – сладко улыбнулась Юля, – уравнием способности! По крайней мере, умственные.

Что мне оставалось? Прижать девушку к груди, да погладить ее по густым черным – «Ритиным» – волосам.

– Вот какая у нас мамой Юлечка родилась, – зажурчал я. – Херувимчик! Темненький, такой...

Там же, позже

Похоже, Лея с Кошей заключили перемирие – оба оккупировали наш с Ритой диван. Девочка трудолюбиво гладила кота, а тот басисто мурлыкал. Идиллия.

Я разжег камин, подбросил полешек, и устроился в кресле напротив, спиной ко всем домашним радостям и горестям.

Первой подседа Наташа. Изящно опустившись на мягкий подлокотник, она положила мне руку на шею, и ласково-ласково заговорила, а мое имя и вовсе интимно выдохнула:

– Мишечка... Третьего декабря в Берлине, в университете Гумбольдта, будет 3-D форум...

– Третьего? – глубокомысленно выразился я. – И декабрь – Д... Нормально подгадали!

– Ага! – вдохновилась Наташа. – Это будет форум компьютерных дизайнеров, с привязкой к нашей игре и софту «Исида». Мне очень, очень хочется там побывать, Мишечка!

Девичьи пальчики нежно пощекотали мою шею, аж мурашки забегали.

– А Лею деть некуда... – понятиливо вздохнул я.

– На три денечка! – Ивернева молитвенно сложила ладони. – Максимум, на четыре! Мишечка...

Тугая грудь ощутимо вдавилась мне в плечо, комкая слабую волю.

– Четыре дня! – императивно заявил я.

Наташа радостно взвизгнула, и закалчила руки вокруг моей шеи, притиснув к лицу свои приятные округлости, да так, что и чмокнуть некуда, только в лоб. Контрольный поцелуй...

Вздохнув о несбывшемся, я скинул тапки и вытянул босые ноги поближе к огню. Придется отгулы брать, переработки у меня – вагон и маленькая тележка... Да и Лея – девочка не капризная. Она даже не плачет почти, только, если ушибется или ей Овода станет жалко... И есть же баба Лида! Правда, «неожиданная» внучка из нее веревочки вьет и макраме заплетает... Я нежно улыбнулся.

До сих пор благодарен маме за чуткость – она мне даже слова не сказала, узнав, что Лея от другой женщины. Просто взяла дитя на руки, да и стала тетешкать, воркуя: «А кто это у нас такой ма-аленький? А кто это такой пу-ухленький?»

Я пошевелил пальцами ног. Хорошо...

Второй примостилась Инна – навалилась сбоку, обняла, зашептала, опаливая ухо:

– Мой папа скоро вернется с Луны! Он и этот... как его... Бур Бурыч. А первого декабря в Берлине откроется всемирный конгресс селенологов – там они с Бур Бурычем выступят... ну, просто с сенсационным докладом! И папа очень хочет, чтобы я при этом присутствовала. Он специально выбил два приглашения – для меня и моей подруги... Риты Гариной. Отпустишь свою главную жену? Хи-хи...

– Дождетесь, – насупился я. – Выдам каждой спецовку – паранджа называется...

– Чур, я буду Гюльчатай! – захихикала Инна, и прижалась, мурлыкнув: – Отпускаешь?

– Да куда ж я денусь...

Горячий поцелуй скрасил мою капитуляцию. Я задумчиво посмотрел вслед уходящей Дворской, и та оглянулась, чтобы убедиться, туда ли смотрит Миша. Убедилась, и усиленно завертела попой. Я усмехнулся.

Юля в чем-то права, выделив Риту и умаляя Инну. Но я же старый скучный реалист и не верю во взаимную любовь. Обычно кто-то один из пары позволяет любить себя другому или другой.

В нашей конфигурации трое женщин любят меня одного, а я даже себя самого не люблю... Не то, что не люблю – терпеть не могу. Или мое мироощущение чересчур западает в пессимизм?

«Трое на одного...» – мелькнуло шутейно и беспутно.

Крайней присоседилась Рита. Поерзав на подлокотнике, она слезла на мои колени.

– Тебе Берлина мало? – улыбнулся я, обнимая донну Фальер. – Еще куда-то надо?

– Ага! – радостно согласилась донна. – В Потсдам! Мы там будем третьего-четвертого декабря...

– Мы?

– Гайдай, Харатьян, Боярский, Самохина... Ну, я, конечно... Костюковский и Слободской – наши сценаристы... Да там целая делегация припожалует – на киностудию «ДЕФА», в гости. Отпустишь?

– С одним условием.

– С каким? – «Лита Сегаль» кокетливо подняла бровки.

– Как приедешь – запремся в спальне на сутки!

– Вчетвером? – донна закатила глаза, изображая немой восторг. – О-о... Лямур а траа...

Нет-нет! Лямур а катр!

– Чучелко ты мое... – я стиснул подругу дней и ночей.

– Любименькое! – уточнила Рита с хулиганистой улыбочкой.

Четверг, 30 ноября. Утро

Московская область, Шереметьево

Рита благоразумно обошлась всего одним чемоданом, и катила его по гулким залам аэропорта. Тем более что таскать багаж некому – Миша принял дежурство на доверенном ему объекте.

Юля торжественно пообещала заведовать кухней и не забывать кормить папу, а папа будет носиться с Леей – у него два отгула, а затем выходные... Неясно, правда, как быть на той неделе – директору института и заму секретаря ЦК прогуливать не по чину. Вся надежда на бабу Лиду – та пламенно обещала окружить внучку заботой и вниманием...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.